

Michael Pozdnev

Universität Sankt Petersburg
m.pozdnev@spbu.ru

DAS HISTORISCH-PHILOLOGISCHE
VORGEHEN BEI ARISTOTELES UND
IN DER WISSENSCHAFT SEINER ZEIT:
EINIGE RANDBEMERKUNGEN*

Proceeding from the emancipation of historical research marked by the scientific work of M. I. Rostovtzeff the author makes a few side remarks on the text and cultural studies in the time of Aristotle, when the gap between philology and history has not yet occurred. The very existence of the then philology is a matter of dispute. It is true that intellectuals dealt in explicating Homeric texts since as early as the outgoing 6th c. BC: the term Ὀμηρικοί, conceivably hinting at Metrodorus of Lampsacus in *Ar. Met.* 1093 a 20–21, is actually the earliest term to stand for the profession of a philologist. However, the antiquarians of the 4th c. BC were hard at work collecting sources on literary history and interpreting texts beyond the Homeric epic. Hence the attempt to give the overall definition of literature which Aristotle undertakes in the first chapters of the *Poetics*. This attempt was preceded by antiquarian research shared and inherited by disciples. Collecting was groundwork having goal in itself. *The Proverbs* of the Aristotelian catalogues, giving birth to paremiology, were probably nothing more than a list of proverbs; the works of abstraction under the title *On Proverbs* are attested for Klearchos and Theophrastus. *On Marvelous Things Heard* is attributed to the school; a parallel with the *Poetics* shows that the earliest paradoxographic treatise was compiled directly from the esoteric works of Aristotle. With his Πυθιονίκαί Aristotle “triumphed over Menaechmus of Sicyon” (*Vita Hesychii*). A patriot of his home city, Menaechmus evidently maintained a view that first music competitions were set up in Sicyon. He dealt in etymologies, deriving ῥαψῳδοί from ῥάβδος in a rare meaning ‘verse’. At the end of ch. 3 of the *Poetics*, Aristotle discusses the origins of drama adducing, among other things, etymologies on which the Dorians are building their claims. An exotic etymology of -ῳδός allows to grasp an allusion to Menechmus, whom the author of the *Poetics* would not oppose openly. Collecting the *didascaliae* was evidently easier than proverbs: the records were kept by the archon, it only took some time to put them together in an orderly way. The political circumstances being propitious, the doors of the state archive were thrown wide open for Aristotle. Licurgus, likewise an attendee of the Plato’s Academia, saw to

the production of an established text of the great trio in the revamped theatre of Dionysus. This famous edition was to be borrowed by Ptolemy III. It is common knowledge that the ὑποθέσεις of Byzantine MSS go back to the lists compiled by Aristotle. It is reasonable to conjecture that the standardized text of the tragedies made available to the Alexandrians was initially annotated by the same hand that compiled the *Didascaliae* and the *Dionysiac victors*. Legend has it that Alexander held a copy of *Ilias* ‘out of a casket’, and even commented on the Homeric text. It may be, in part, true, since it is evident that Aristotle used to read and discuss this text with his disciple. The penultimate chapter of the *Poetics* is fully devoted to the discussion of contended passages. In all probability, these sections were imported from – the *Homeric problems*. Zoilus, whose satirically naïve interpretations spiked the Homeric studies of the time, could well have been an adversary of Aristotle, while Glaucon of Theos counts as a proponent. Referring to Glaucon Aristotle articulates one of the plain truths of philological studies: understanding should precede criticism, or else the latter would turn against the one who voices it. His attitude as an interpreter is definitely apologetic. On the whole it is noticeable that the painful awareness of a gap between philology and history vexing the scholars for the last two centuries seems to have never occurred in the time of Aristotle. Following his thought, we observe an easy and natural, predetermined by the very object of research, unity of two types of argumentation. When dealing with an historical fact, such as, for instance, the origins and early history of drama, anthropological and historical causes have the lead, while discussing poetry argumentation ἀπὸ τῆς λέξεως prevails.

Обращаясь к эпохе, когда рядом с историей начинало существовать то, что уже допустимо назвать филологией, автор статьи высказывает несколько наблюдений об исследовательских методах Аристотеля. Профессия филолога в его время, по-видимому, обозначалась словом Ὀμηρικοί. В “Гомероведях прошлого” из последней главы “Метафизики” (1093 а 20–21) слышен намек на Метродора из Лампсака. Старинная филология отживает свой век: для современников Аристотеля текст “Илиады” и “Одиссеи” – далеко не единственный предмет интерпретации; их антикварные изыскания сосредоточены на различных жанрах и персоналиях, причем литературная история зачастую вычитывается из самих произведений (“метод Хамелеона”). На этом фоне понятно стремление описать литературу как целое. Попытка сформулировать общее определение предпринята в первых главах “Поэтики”. Этой попытке предшествовало собирание материала, причем Аристотеля одинаково занимала история литературы, языка, реалий и событий. Указанные в каталоге Диогена Лаэртского Παροίτιαи вряд ли были чем-то большим, нежели простой список. О задействованности учеников свидетельствуют теоретические работы Клеарха и Теофраста Περί παροίτιων. Как показывает сопоставление с “Поэтикой”, сборник Περί θαυμασίων ἀκουσμάτων, положивший начало жанру парадоксографии, скомпилирован из доступных в Ликее писаний основателя школы. Сборник “Пифийских победителей”, составленный в Дельфах, имел полемическую направленность. В приложенном к *Vita Hesychii* перечне

сообщается, что Аристотель “одержал в этом сочинении победу над Менехмом Сикионским”. Вероятно, Менехм доказывал первенство Сикиона в ряде жанров. Он оперировал и этимологиями, производя, например, ῥαψῳδοί от ῥάβδος в редком значении “стих”. В конце третьей главы “Поэтики” Аристотель рассуждает о происхождении драмы и среди прочего приводит этимологии, на которых основываются дорийцы. Экзотическая этимология слова с -φῶδός позволяет усматривать здесь намек на Менехма, в полемику с которым автор намеренно не вступает. Собрать дидакалии было проще, чем пословицы: записи хранились у архонта. Обстановка благоприятствовала театроведческим поискам. Ликург позаботился не только об установке в обновленном театре Диониса статуй трех великих трагиков, но и об издании их канонического текста. Это издание позаимствовал у афинян Птолемей III. По общему мнению, ὑποθέσεις византийских рукописей восходят к составленным Аристотелем спискам. Резонно предположить, что тексты трагедий, оказавшиеся доступными александрийским филологам, были аннотированы в “государственном экземпляре” автором “Дидакалий” и “Дионисийских победителей”. Другое связанное с “Поэтикой” заказное собрание – “Гомеровские затруднения” в шести книгах – возникло как результат занятий с Александром, так же, по-видимому, как и легенда об “Илиаде” ἐκ τοῦ νόου τῆς βασίλισσας, которую царь якобы перечитывал и даже снабдил комментарием. По всей видимости, гл. XXV “Поэтики”, посвященная объяснению спорных мест, перенесена из Ἀπορήματα Ὀμηρικά. Апологетический пафос предполагает, что оппонентом Аристотеля мог быть Зоил, чьи сатирические трактовки оживляли тогдашнее гомероведение. Союзником же Аристотеля становится Главкон Теосский. Со ссылкой на Главкона формулируется принцип филологической работы, состоящий в презумпции правильности интерпретируемого текста. Следя за мыслью автора “Поэтики”, наблюдаем естественное, заданное самим объектом поиска объединение двух типов аргументации. Когда анализа требует исторический факт, такой, например, как возникновение и ранняя история драмы, на первом месте антропологические и исторические причины; если же разбирается поэзия, первенствуют аргументы ἀπὸ τῆς λέξεως.